

Эмпатия — новое начало.

На этот раз образы были более четкими, связными и даже жестокими.

Все та же пышная свадьба, высоко горящие красные свечи.

Под вуалью Линь Юньян была полна предвкушения и робости перед будущим.

Она услышала приближающиеся пьяные шаги своего жениха, Линь Вэньюаня, и ее сердце заколотилось, как барабан.

Завеса поднялась, и она увидела лицо, которое можно было бы назвать красивым, но с оттенком небрежности и усталости.

Линь Вэньюань взглянул на неё, но в его глазах было мало радости новобрачного, лишь дежурная вежливость, словно все это была формальность.

Семейная жизнь была проста, как вода; Линь Вэньюань относился к ней с вежливой отстранённостью.

Но однажды она случайно услышала разговор Линь Вэньюаня за дверью кабинета с нежным женским голосом.

— «Кузен, ты правда собираешься провести всю жизнь с этой деревянной красавицей?»

— «Что в ней такого хорошего? Она даже улыбается редко!»

— «Инъэр, не будь упрямой. В конце концов, она моя законная жена. Наша нынешняя еда и одежда зависят от...»

— «Мне все равно! Ты сказала, что твое сердце принадлежит только мне!»

— «Прошло уже три месяца. Когда же ты наконец предпримешь какие-нибудь действия?»

— «Ох... подожди еще немного. Мама уже думает, как...»

Линь Юньян онемела, словно ее поразила молния.

Она узнала этот женский голос — это была Лю Инъэр, дальняя родственница, живущая в семье Линь!

Значит, сердце ее мужа давно принадлежало другой. Так вот что скрывалось за холодностью ее свекрови и этими «тонизирующими средствами»! Такой коварный замысел!!

В панике она попыталась сбежать, но случайно опрокинула цветочный горшок у двери.

— «Кто там?!» — строго крикнул Линь Вэньюань, распахивая дверь. Увидев ее, он мгновенно помрачнел. °

Лю Инъэр последовала за ним, и в ее глазах мелькнули злоба и самодовольное торжество.

Скрыть правду было уже невозможно.

Линь Вэньюань сбросил маску мягкости, а мать Сюй показала своё истинное, холодное и

безжалостное лицо.

Так называемый «успокоительный отвар» превратился в откровенные угрозы.

— «Юньян, ты слишком много знаешь. Семья Сюй не может допустить скандала. Ты... не можешь здесь остаться».

Линь Юньян отчетливо услышала холодный голос Линь Вэньюаня: «Избавьтесь от нее без лишнего шума. Сделайте так, чтобы все выглядело как самоубийство».

— «В официальном заявлении скажите... Не сумев родить сына, она устыдилась перед семьей Сюй и покончила с собой от стыда».

Ее тащили, она сопротивлялась, отчаянно глядя в этот холодный колодец.

Ее столкнули туда Линь Вэньюань и Лю Инъэр!

Рука мужчины, смех женщины и, наконец, тяжелый звук закрывающейся крышки колодца...

Вскоре после ее смерти семья Линь объявила всему миру, что «госпожа Линь, не сумев родить сына, утопилась в колодце от стыда».

Они быстро подделали признание и подкупили чиновников всех уровней.

Таким образом, убийство было представлено как «безумное самоубийство женщины».

Более того, Линь Вэньюань использовал это, чтобы присвоить часть имущества семьи Линь.

Месяц спустя он вернул себе прежнюю фамилию.

Сюй Вэньюань, резиденция Линь сменила название на резиденцию Сюй, и он обрёл новую невесту.

Отца Линь Юньян уже отстранили от должности, и он был бессилен что-либо предпринять.

Эмпатия закончилась. Глаза Юнь Цина резко распахнулись. Его лицо было бледным, грудь бурно вздымалась, а глаза горели от едва сдерживаемой ярости.

Он отпустил руку Су Чэна.

— «Какой же он лицемер, живущий за счёт женщины, а потом еще притворяющийся фениксом!»

Убить жену ради наживы, опорочить ее репутацию, лишить ее возможности переродиться...

Так вот в чем была причина многовековой обиды Линь Юньян!

Су Чэнь тоже почувствовал пронизывающий холод и гнев.

Изначально он считал Юнь Цина способным, но суеверным и жадным до денег шарлатаном.

Но в этот момент он вдруг понял, что этот человек не так прост, как кажется.

— «Теперь, когда мы знаем правду, — сказал Су Чэнь низким голосом, — что нам делать дальше? Сказать ей?»

Он не знал, нужно ли раскрывать правду, чтобы успокоить мстительный дух.

Юнь Цин выровнял дыхание: «...Скорее всего, ей нужна не только правда».

Возможно, это было давно назревшее... правосудие или месть, которая назревала сто лет.

Группа вернулась в резиденцию семьи Линь.

Юнь Цин некоторое время изучал этот вопрос и наконец нашел способ его решить.

— «Очистить ее запятнанное имя, назвав ее настоящим именем?» — Су Чэнь нахмурился. — «Что это значит?»

— «После смерти Линь Юньян у нее отняли не только жизнь, но и имя».

Юнь Цин объяснил: «Семья ее мужа сфабриковала историю о том, что она "утопилась от стыда за то, что была бездетной", и даже официальные документы были изменены».

— «Это означает, что в небесных и земных реестрах причина ее смерти указана как ложная».

— «Если причина ее смерти названа неправильно, несправедливость не будет исправлена».

— «Если несправедливость не исправить, обиду трудно рассеять».

— «Мне нужно провести для нее "ритуал оправдания"».

Гуань Янь не удержался и вставил: «Как... как судебное разбирательство?»

— «Еще серьезнее», — сказал Юнь Цин.

— «Нам нужно установить алтарь у колодца, публично объявить ее истинную историю жизни и ее обиду, сжечь поддельные документы и восстановить духовную табличку с ее настоящим именем».

— «Самое главное, чтобы все, кого затянуло в этот сон, присутствовали в качестве свидетелей».

Хотя нынешняя семья Линь — это не та семья Линь, что была сто лет назад.

Но несмотря на то, что резиденция сменила владельцев, земля осталась прежней.

Они одновременно были и «нынешними владельцами», и «свидетелями».

Он взял бумагу и кисть и начал перечислять предметы, необходимые для ритуала.

— «Чтобы установить алтарь, нам понадобятся: три чжана белой ткани (примерно 1,5 метра), расстеленной на земле, семь долго горящих ламп, одна чаша с чистой дождевой водой;»

— «Три цян столетней киноvari, один жетон из персикового дерева, три желтых талисмана с ее настоящим именем...»

Су Чэнь посмотрел на список, и его взгляд остановился на нескольких пунктах:

— «Чистая дождевая вода? Столетняя киноvari? Где нам их найти?»

— «С чистой дождевой водой все просто: нужно собрать ее до того, как она упадет на землю».

— «Сегодня после полуночи будет небольшой дождь».

Юнь Цин сделал паузу: «С киноварью, которой больше ста лет, сложнее».

Гуань Янь был ошеломлен: «Это... где мы можем найти это в кратчайшие сроки?»

Юнь Цин посмотрела на Су Чэня: «Бог богатства, возможно, нам придется положиться на тебя?»

Су Чэнь на мгновение замолчал: «Я прикажу кому-нибудь обыскать кладовую семьи Су».

— «Кроме того, — добавил Юнь Цин, — ритуал нужно провести завтра в полдень, в тот самый момент, когда энергия Ян наиболее сильна, а энергия Инь начинает только нарастать».

— «Но накануне ночью обида даст о себе знать».

Его лицо стало серьезным: «Сегодня ночью колодец, скорее всего, не будет спокойным».

Су Чэнь посмотрел на него: «А что, если ритуал провалится?»

Юнь Цин на мгновение замолчал, и свет свечей в комнате на долю секунды погас.

— «Она полностью потеряет контроль над собой».

Его голос был очень тихим: «Эта территория в радиусе десяти миль превратится в царство призраков, где будут сбываться и радость, и печаль».

— «Все... умрут с улыбкой на устах».

Цзиньбао втянул голову в плечи, его маленькие ручки крепко сжимали одежду Су Чэня.

Лицо Су Чэня побледнело, но он быстро взял себя в руки: «Что ты хочешь, чтобы я сделал?»

Уголок рта Юнь Циня дрогнул. «Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня. Человек с твоей врожденной богатой и благородной судьбой может удерживать форт, просто стоя там».

Су Чэнь: «...Говори человеческим языком».

— «Это значит именно то, что я и сказал».

Юнь Цин улыбнулся: «Когда ты стоишь просто рядом со мной, я чувствую себя спокойно».

Эти слова прозвучали слишком откровенно. Кончики ушей Су Чэня слегка запылали, и он отвернулся: «Не носи чепуху».

Неужели для проведения ритуала нужны такие странные условия?

Этот человек наверняка что-то выдумывает, чтобы снова обмануть его!

С наступлением ночи события развивались в точности так, как предсказывал Юнь Цин.

Сразу после полуночи начался небольшой тихий дождь.

Гуань Янь держал во дворе медный таз, чтобы собирать воду, а Цзиньбао сидел рядом с ним на корточках, подперев подбородок руками, и внимательно наблюдал.

Семья Су тоже вовремя прислала весточку: они нашли необычайно качественную старинную киноварь.

Услышав эту новость, Юнь Цин хлопнул в ладоши и улыбнулся, его лицо посветлело: «Действительно, когда рядом Бог богатства, дела идут гладко, как по маслу».

Все, что нам нужно, у нас есть.

Услышав это, Су Чэнь даже не поднял головы, ему было лень реагировать на эти неуместные поддразнивания.

— «Всё ли материалы собраны? Чего-то не хватает?»

Юнь Цин подошел ближе и с серьезным видом произнес: «Мне не хватает.... смелости».

Су Чэнь замолчал, затем поднял голову и сердито уставился на него.

Конечно, этот человек не мог сохранять серьёзный вид дольше трёх секунд!

— «Просто шутка, чтобы разрядить обстановку».

Юнь Цин знал, когда нужно остановиться. Его лицо снова стало серьёзным.

— «Во время завтрашнего ритуала мне нужно будет встретиться лицом к лицу с обидой, которую Линь Юньян копила столетие, чтобы очистить её имя и помочь ей обрести покой».

— «В ходе этого процесса она будет яростно сопротивляться, когда ее болезненные воспоминания оживут».

— «Она будет использовать иллюзии обиды, чтобы околдовывать людей, и даже может напасть. Мне нужно сохранять абсолютную ясность ума».

Он посмотрел на Су Чэна, и в тусклом свете свечей его взгляд казался глубоким. «Так что сегодня вечером... мне может понадобиться твоя помощь».

Су Чэнь тут же насторожился и инстинктивно отступил на полшага.

— «Снова одолжить энергию Ян?»

Ощущение жжения, которое он испытал в прошлый раз, когда Юнь Цин рисовал талисман на его ладони, до сих пор было еще свежо в его памяти.

— «Не в этот раз».

Юнь Цин, как ни странно, не воспользовалась возможностью подразнить его: «Сегодня ночью у колодца точно произойдет что-то странное. Мне нужно, чтобы ты постоял на страже у моей комнаты».

— «Я?» — недоуменно спросил Су Чэнь.

— «Твоя судьба благородна и благословенна, она окутана глубокими благословениями, и злу

трудно подобраться к тебе».

— «Если ты будешь охранять дверь, то сможешь помочь мне заблокировать большую часть помех», — объяснил Юнь Цин.

Су Чэнь на мгновение опешил: «И только это?»

— «Только это». Юнь Цин кивнул.

Затем уголок его рта дрогнул в знакомой ухмылке: «Конечно, если ты действительно беспокоишься обо мне...»

— «Если ты считаешь, что дверь недостаточно надежна, и хочешь войти, чтобы поделиться со мной энергией Ян и стабилизировать мой разум, я тоже не буду возражать...»

— «В твоих снах».

Су Чэнь наотрез отказался, но кончики его ушей слегка покраснели.

Юнь Цин вздохнул с притворным сожалением, но в его глазах мелькнул огонек веселья.

Полночь, глухая ночь, мелко морозящий дождь не прекратился.

И тут что-то произошло, как и ожидалось.

Сначала со стороны колодца донесся слабый плач.

Протяжный и печальный, словно повествующий о горестях, похожий на сдавленные рыдания молодой женщины в глубокой ночи, совсем одной.

Плач продолжался около четверти часа, затем внезапно сменился смехом.

Хихиканье, звонкое, но пустое, особенно жуткое в тишине дождливой ночи, от которого по спине бегут мурашки.

Плач и смех сменяли друг друга, становясь все громче и ближе.

Вся резиденция семьи Линь уже давно погрузилась в глубокий сон, но в этот момент те, кто лежал на своих кроватях, невольно задрожали.

Су Чэнь, как и было велено, стоял на страже у двери Юнь Цина.

От причудливо переплетающихся звуков плача и смеха, которые становились всё ближе, он почувствовал, как на его ладонях выступил холодный пот.

В комнате Юнь Цин сосредоточенно смешивал киноварь, его кисть порхала, рисуя сложные талисманы.

Цзиньбао лежал на краю стола, подперев подбородок маленькими ручками: «Отец, той сестре снаружи... очень больно?»

Юнь Цин не отрывался от написания, тихо ответил: «Мм».

Не может по-настоящему плакать, когда плачет, не может по-настоящему смеяться, когда

смеется.

Любовь и ненависть обратились в пустоту, жизнь и смерть оказались ошибочными, и невозможно обрести покой даже спустя столетие.

Это было самое жестокое наказание.

За окном плач внезапно усилился, стал пронзительным, почти оглушающий и проникающий прямо в сердце!

Тело Су Чэня задрожало, он инстинктивно протянул руку и схватился за дверной косяк, чтобы не упасть.

Почти в тот же миг поток черной, леденящая душу аура энергии Инь, невидимая невооруженному глазу, просочилась сквозь щель в двери и устремилась прямо в спину Юнь Цину!

Юнь Цин не обернулся. Одной рукой он выхватил только что нарисованный желтый талисман.

— «Тсс...!»

Тихий звук, словно капля воды упала в горячее масло.

Входящая энергия Инь столкнулась с талисманом и мгновенно рассеялась, превратившись в струйку зелёного дыма.

Но лицо Юнь Цина слегка побледнело.

Рисование талисманов и так требовало огромного умственного напряжения и духовной энергии; а необходимость отвлекаться на отражение скрытой атаки еще больше усугубляла ситуацию.

Услышав шум внутри, Су Чэнь почувствовал, как сжалось его сердце, и у него вырвались слова: «Ты в порядке?»

На мгновение в комнате воцарилась тишина.

Затем раздался слегка усталый голос Юнь Цина: «Что? Беспокоишься обо мне?»

Су Чэнь поджал губы и напряженно ответил через дверь: «Просто выполняю свой долг».

Он добавил ненужное объяснение: «Если с тобой что-нибудь случится, то некому будет руководить завтрашним ритуалом».

— «О, как же ты ответственен....!»

В голосе Юнь Цин послышался намек на поддразнивание: «Тогда почему бы тебе не войти и не выполнить свои обязанности?»

— «У двери сквозняк. Мне немного холодно».

Су Чэнь: «...»

Может ли это оправдание быть еще более нелепым?

Комната была ярко освещена свечами, двери и окна плотно закрыты — откуда мог взяться сквозняк?

Но, услышав, что дыхание мужчины внутри стало заметно более поверхностным, чем обычно, он на мгновение замешкался, а затем наконец потянул руку и открыл дверь.

Свет свечей внутри на мгновение замерцал.

Юнь Цин сидел за столом, перед ним лежали семь или восемь желтых талисманов.

Его лицо действительно было бледнее обычного, губы потеряли цвет. Только глаза оставались поразительно яркими.

Цзиньбао уже был принудительно выключен Юнь Цином и крепко спал на небольшой кушетке неподалеку.

Су Чэнь подошел к столу и молча посмотрел на него.

Его взгляд скользнул по слегка нахмуренным бровям Юнь Цина и мелким капелькам пота на его лбу.

Юнь Цин поднял глаза и улыбнулся ему: «Ты все-таки пришел? Ты так волновался за меня?»

Су Чэнь отвернулся, избегая этих глаз, которые, казалось, могли затянуть в себя.

— «Если с тобой что-то случится... Я... я думаю об общем благе».

— «Ах, так значит, Бог Богатства беспокоился не обо мне, а думал об общем благе», — в глазах Юнь Цин отразилась веселость, а его улыбка стала еще шире.

— «Тогда... ради всеобщего блага, не мог бы ты помочь мне согреть мою руку?»

— «У меня замерзли руки, они немного онемели. Я больше не могу рисовать».

Он протянул правую руку. Его кончики пальцев действительно были бледными и слегка подрагивали.

Су Чэнь долго смотрел на эту руку.

Затем, прежде чем он успел что-то обдумать, он протянул руку и обхватил ледяные пальцы Юнь Цина своей ладонью.

Юнь Цин вдруг замер.

Он просто по привычке болтал без умолку, отчасти в шутку, а отчасти пытался проверить реакцию окружающих.

Он никак не ожидал, что этот чувствительный и обидчивый Бог богатства попадет на удочку.

Но в этот момент тепло, передающееся через его ладонь, было таким реальным, таким явным.

Руки Су Чэня оказались теплее, чем он себе представлял.

— «...Ты правда одалживаешь их?» — Юнь Цин редко терял дар речи, но, на удивление сейчас,

его голос звучал немного сухо.

Су Чэнь почувствовал, как сильно горят кончики его ушей, даже щеки горели.

Он застыл, не в силах ни приблизиться, ни отступить.

Ему оставалось только заставлять себя сохранять спокойствие, его взгляд скользил по желтым талисманам на столе, лишь бы не смотреть на Юнь Цина.

— «Разве ты не говорил, что у тебя замерзли руки? Скорее согрей их, а потом продолжай рисовать. Не откладывай важные дела на потом».

Он старался, чтобы его голос звучал холодно и нетерпеливо. Не замечая, что его выдает легкая дрожь в голосе.

Юнь Цин посмотрел на их сцепленные руки и вдруг тихо рассмеялся.

— «Бог богатства, — он поднял глаза, его голос стал хриплым, почти шепотом он прошептал, — если ты будешь так себя вести... я могу неправильно тебя понять».

Сердце Су Чэня бешено заколотилось, словно его что-то обожгло.

Он инстинктивно попытался отдернуть руку, но Юнь Цин среагировала быстрее и крепко сжал его ладонь.

— «Не двигайся», — голос Юнь Цина немного окреп: «Раз уж ты одолжил их, нет смысла сдаваться на полпути».

За окном жуткое чередование плача и смеха постепенно стихло, как будто люди устали.

Капли моросящего дождя делали этот маленький уголок комнаты, освещенный свечами, особенно тихим и... едва уловимым.

Су Чэнь перестал сопротивляться.

Он просто отвернулся, глядя на танцующие тени на стене.

Он позволил другому человеку взять себя за руку.

Там, где их ладони соприкасались, ледяное прикосновение постепенно согревалось теплом его тела.

Но другое, более незнакомое тепло, незаметно подкралось к его ушам, окрасив их румянцем.

Он отчетливо слышал, как его собственное сердце бьется, словно барабан, с каждым ударом отдаваясь в груди.

В голове был полный сумбур, и только одна мысль была кристально ясной:

Руки этого шарлатана... почему они все еще такие холодные?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18124/2040565>